

МЕСТО
ДЕЙСТВИЯ

ПУБЛИЧНОСТЬ
И РИТУАЛ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ПОСТ-
СОВЕТСКОГО
ГОРОДА

ИЛЛЯ
УТЕХИН

Илья Утехин

**Место действия. Публичность
и ритуал в пространстве
постсоветского города**

«Strelka Press»

2012

Утехин И. В.

Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города / И. В. Утехин — «Strelka Press», 2012

ISBN 978-5-457-23351-5

Насколько легко человек прочитывает в городском ландшафте связность его отдельных элементов и воображает себе некую целостную и осмысленную картину места. Что делает такое считывание смысла более удобным и органичным? Что создает для этого предпосылки в организации городской среды? Эссе Утехина представляет собой удавшуюся попытку рефлексии над природой и подвижными границами публичного пространства: «Хотя мы и называем эти места общественными, повсюду в них публичное и приватное не разделены – в том смысле, что и на площади друзья, стоя в кругу, образуют своим разговором и расположением вполне приватную пространственную конфигурацию. Оказавшись в публичном месте, люди зачастую „разбивают лагерь“, присаживаются, чтобы заняться своим делом на этой временно оккупированной территории. Разложив свои вещи и тем самым маркировав это временное "свое", они не ожидают чужих за своим столиком, отодвигаются от соседа по скамейке, а прежде чем "приземлиться", спрашивают уже сидящего рядом, не возражает ли он».

ISBN 978-5-457-23351-5

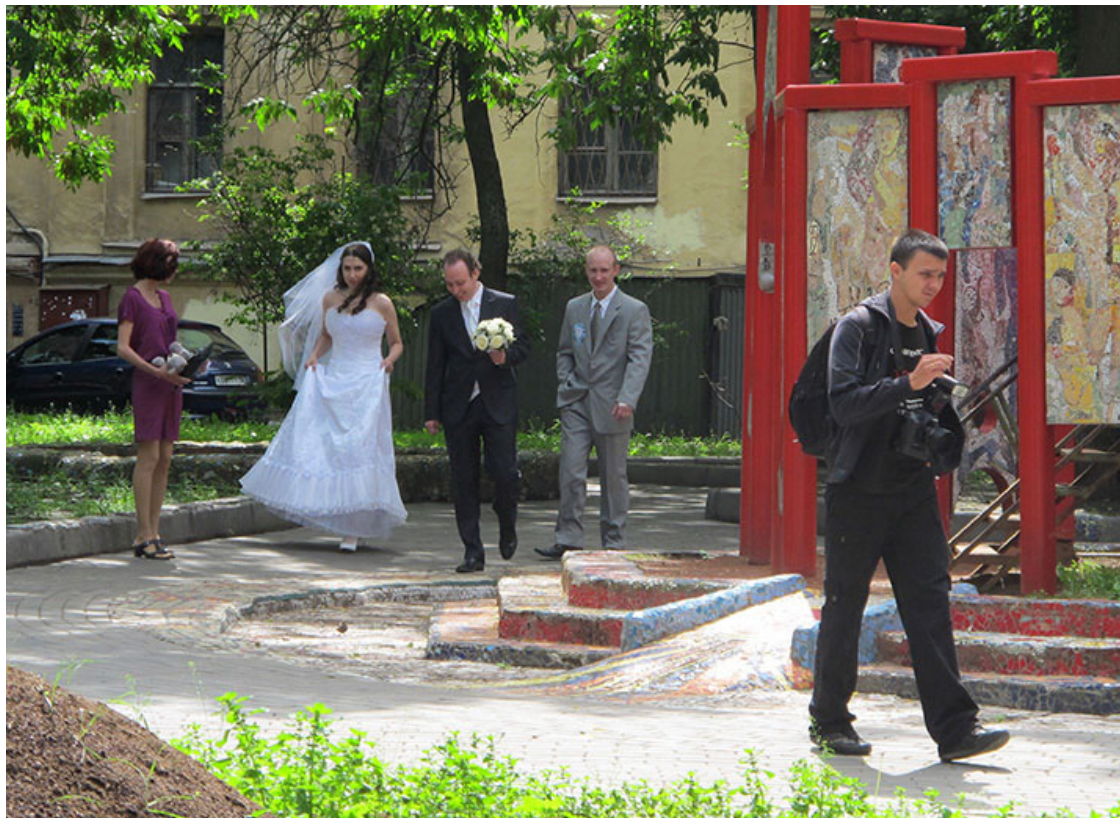
© Утехин И. В., 2012

© Strelka Press, 2012

Илья Утехин

Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города

Водитель даже не стал пытаться заехать во двор: огромный розовый лимузин все равно не смог бы. Так что свадьба в полном составе, повылезав из автомобилей, пошла пешком – и направилась в глубь двора, вдоль рядов припаркованных машин.

Молодожены идут по двору к месту фотографирования. Улица Чайковского, 2. 2012

Таких сложноустроенных внутриквартальных пространств в центре Петербурга много, потому что изначально в этом построенном по плану городе были предусмотрены большие расстояния между улицами, и внутри этих крупных пятен застройки складывалась своя жизнь. Ряды деревянных сараев снесли с введением центрального отопления в 1950-х, а вот типичные для центра Петербурга дворы-колодцы никуда не делись. Целый квартал дворов. Там, где соседи и арендаторы не договорились еще между собой и не поставили флаж-баум, все густо и бесконтрольно уставлено машинами.

С советских времен со стены ностальгически смотрит табличка: «Тов. водители! При погрузке и разгрузке просим вас выключать двигатели авто». И подпись: «ГАПУ». Приходится справиться в Интернете, что значат эти «Г» и «А»; предлагаемая версия не вполне убедительна: «Главное аптечное управление»... Откуда бы в этом дворе аптечное управление, тем более главное? Любопытно было бы переписать все надписи, вывески и таблички какого-нибудь публичного места, не исключая рекламы и граффити, чтобы затем разложить их по полочкам классификации. Такая классификация заставила бы нас задуматься о том, чьими голосами говорят эти надписи, кому они адресованы, насколько они полно-

мочны регулировать наше поведение своими извещениями, призывами, предложениями и запретами. Язык живет своей жизнью в пространстве города.

Невеста приподнимала платье над апрельской слякотью. Можно было подумать, что они тут живут и приехали домой. Но на следующий день я увидел здесь еще одну свадьбу, которую дворовыми закоулками вели фотограф и видеооператор – главные специалисты по ритуалу. Именно они управляют ходом церемонии, расставляют участников, режиссируют мизансцены. Что касается молодоженов и сопровождающих лиц, то они, кажется, более всего озабочены вписанием себя в историю. А поскольку предполагается, что по-хорошему свадьба случается раз в жизни, то и птичка должна вылететь «как надо».

Но почему во дворе? Должно быть, здесь есть что-то, что увлекает часть брачующихся граждан с традиционных маршрутов. Но прежде хотелось бы выяснить, в чем привлекательность самих этих маршрутов. Кстати, применительно к советскому свадебному обряду в Ленинграде известно, кто и когда предложил тот канон, который с середины 1950-х годов воспроизводился в торжественном бракосочетании и в том, что за ним следовало, – в том числе и в посещении молодоженами местных достопримечательностей.

Социолог и основатель Европейского университета Б.М. Фирсов был в 1956–1959 годах еще не исследователем, а сугубым практиком – секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ; именно ему довелось трудиться над созданием этого обряда. Места, куда с тех пор направлялись молодожены, символически нагружены: это памятники культурным героям-основателям, которые, подобно мифологическим прародителям, как бы осеняют своей аурой новую «ячейку общества». Ведь эта новая ячейка создается не в вакууме, а в конкретном городе, где молодоженам, весьма вероятно, предстоит жить и дальше, выращивать потомство. Поклонение местным святыням органично встраивается в обряд, актуализирующий культурную память и идеологически выверенные ценности. С тех пор и Медный всадник, и Марсово поле входят в стандартный свадебный маршрут по центру города.

На Марсовом поле поклоняются фактически могилам: гранитный мемориал с Вечным огнем, зажженным в 1956 году, посвящен «жертвам Революции», которых обычный человек плохо идентифицирует. Вскоре после того как Луначарский сочинил высеченные в камне вокруг огня поэтические строки, «жертвы» перестали считаться чем-то достойным почитания, и их в советской мифологии повсеместно заменили «герои». Погибшие герои Революции были сравнительно немногочисленны и по большей части не слишком известны – и уж тем более они отошли на второй план по сравнению с героями и жертвами войны и блокады, памяти которых в Ленинграде был посвящен Вечный огонь в другом месте, на Пискаревском мемориальном кладбище.

Туда молодожены не ездят. Но если не ограничиваться Петербургом и погуглить «молодожены у памятника», можно найти картинки, запечатлевшие новобрачных у самых разных монументов. У памятника Ленину, у мемориала павшим в боях Великой Отечественной, просто у стоящего на постаменте танка. Сами участники обряда могут и не задумываться о том, кому именно посвящен памятник; они приезжают сюда только потому, что «так принято», и потому, что здесь можно будет красиво сфотографироваться. Конечно, это никак не отменяет символической связи с сакральным, включенной в само устройство обряда, но в современном свадебном ритуале важнее другое. Памятник маркирует некий локус публичного пространства, выключает его из обыденности, придает ему особенную прагматику. Теперь здесь выделенное пространство ритуала. В конце концов, здесь и «просто красиво»: это место, возможно, – одно из немногих в округе, где царит какой-никакой, но отчетливый стиль и порядок. В отличие от окружающего, вполне повседневного жилого или индустриального пейзажа, состоящего из объектов, которые не воспринимаются как эстетически выделенные.

Иконография свадебного фото естественно вытекает из самого обряда, в ходе которого возлагают цветы, пьют шампанское и фотографируются, а новый статус вступающих в брак

выражен присутствием и участием тех, кто составляет родственную часть социальных сетей новой семьи. Отсюда праздничный вид брачующихся, роскошь их одежды, нередко взятой напрокат по случаю, дворцовые интерьеры, дорогие автомобили и аксессуары. Фото и видео не только фиксирует церемониальные моменты, но и помещает происходящее в необычный и зачастую символический контекст, связанный, как в случае Медного всадника, Марсова поля и Стрелки Васильевского острова, с местной идентичностью.

Молодожены на Стрелке Васильевского острова: между ними виднеется шпиль Петропавловского собора. Фотография с сайта туристического агентства www.pssp.ru. 2007

На мой вопрос девушке-фотографу, почему не на Марсово поле и не к эрмитажным атлантам, а во двор, она показала на небо: все вокруг серое, хочется яркого пятна. Никакой, получается, символики; местная идентичность ассоциируется у них, выходит, с самодельным искусством: достопримечательность этого двора – украшенные мозаикой стены нескольких домов и мозаичная же красочная детская площадка. На облачном апрельском небе и правда было еще только прохладное обещание солнца.

Яркое пятно вместо дворцовых интерьеров или имперской архитектуры в качестве фона – все-таки экзотика по сравнению с желанием «по-царски» встать перед фотографом где-нибудь на Иорданской лестнице Зимнего дворца. Если бы можно было, они бы и банкет здесь устроили, но в Эрмитаже желания ограничены музейным распорядком, а вот снаружи у памятника архитектуры, просто у памятника и даже во дворе фотографу предписывается проявить «креатив». Фотографируемые что-нибудь изображают, как-то взаимодействуют с памятником или городским ландшафтом. В этом смысле они подобны туристам, «потребляющим» место фотографированием на его фоне; вот и брачующиеся по велению фотографа встают так, чтобы устроить выразительный ракурс. Вот солнце у нее на ладони, вот жених у невесты под каблуком.

А потом они могли бы еще повесить на какую-нибудь ограду моста или парапет набережной свой именной свадебный замок – и символически выбросить ключ в воду, от греха

подальше. В отличие от надписи на стене, замок не выглядит откровенным вандализмом, поэтому в некоторых местах, где есть ограда у воды, к этому новому обряду относятся терпимо и даже поощряют. К тому же гроздя замков намекают на плодovitость населения и крепость семейных уз. То есть прочитываются как сообщение, смысл которого не сводится к чистой декоративности.

Любая доступная поверхность в публичном пространстве – это возможность сообщения, которое может быть словесным, изобразительным или вещным, как в случае замков на ограде или, по прямому назначению, на воротах. На поверхности можно было бы прилепить объявление, нарисовать картинку или написать что-то, если бы это дозволялось; даже тротуар является такой поверхностью. В европейских городах на многих стенах есть лишь одна, но систематически повторяющаяся надпись: «Запрещено клеить объявления».

Постперестроечная эволюция городского центра шла от повсеместной советской чистоты стен и фасадов, которую изредка нарушали только вывески и лозунги, к повсеместной рекламе, растяжкам, щитам и лайтбоксам. Административное регулирование этой сферы нередко апеллирует к эстетике публичного пространства. Придумываются обоснования новым ограничениям и разрешениям, новые способы собирать деньги за счет эффективной эксплуатации рекламоносителей в городском пространстве (читай – эксплуатации зрительного внимания прохожих). Самодеятельные объявления, надписи и граффити бросают вызов власти тех, кто устанавливает порядок медийности в публичном пространстве. Впрочем, те же инстанции устанавливают и порядок декоративности (в виде надзора за архитектурными решениями), и порядок поведения: что допустимо в публичных местах, и в данном месте в частности.

Границы терпимого иногда меняются на наших глазах. Например, в советские времена на Марсовом поле круглосуточно дежурила милиция, царила торжественность. Вокруг сакрального центра мемориала нельзя было вообразить себе ничего подобного тому, что представлено на иллюстрации.

У Вечного огня на Марсовом поле, белая ночь. Гуляющие у огня. Вокруг огня поставлены скамейки. 2012

Сидение на скамейке у Вечного огня сразу снижает градус сакрального: оказывается, здесь можно не только стоять, но и сидеть. Более того, тут, оказывается, позволительно не только проникаться возвышенными мыслями, но делать, в сущности, что угодно – все, что люди делают во время приятной прогулки в парке. Сидя на скамейке, можно, например, выпивать и закусывать. А у огня это делать еще веселее. Ходят слухи, что по ночам публика не гнушается жарить на Вечном огне сосиски.

Отсутствие поста полиции и камер наблюдения показывает, что теперешняя власть отдает режим использования некогда сакрального пространства на усмотрение пользователей – практически в тех же пределах, что и любое другое пространство публичного парка. Доступ к мемориалу и формы поведения посетителей не контролируются, в сущности, никем, за исключением других пользователей, и в этом отношении зона памятника не отличается от остальных частей Марсова поля: в летние месяцы там теперь садятся и ложатся на траву, хотя еще не так давно практически повсеместно были установлены таблички «Ходить по газонам запрещено».

В 1990-е был короткий период, когда в Петербурге осмелевшая публика вдруг стала усаживаться прямо на траву повсюду, вплоть до сквера у Казанского собора, выходящего на Невский проспект. Довольно скоро строгость распорядка там была восстановлена. Сегодня, как показывает практика, сесть с пивом на траву где-нибудь в Летнем саду тоже чревато разговором с полицией и составлением протокола. Можно объяснить это тем обстоятельством, что Летний сад имеет статус музея, тогда как Марсово поле из мемориального кладбища, актуального для государственной идеологии, превратилось в обычный сквер, где посередине стоит просто «какой-то памятник». Никакой сакральности и связанных с ней ограничений тут больше не просматривается.

У Вечного огня на Марсовом поле, день. Скамейки развернуты спинкой к огню. 2012

Развернутые скамейки подтверждают сказанное. Разве в СССР гражданам разрешалось двигать и поворачивать парковые скамейки как им заблагорассудится, «будто у себя дома»? Ничуть: расстановка скамеек и урн была заботой и привилегией администрации, и простые законопослушные граждане в это дело не вмешивались. Напрашивается любопытная аналогия с наблюдениями антрополога Эдварда Холла, исследовавшего культурно-специфичные паттерны использования пространства, в частности в интерьере жилища и офиса. В отличие от американцев, предпочитающих легкую мебель, которую можно по желанию подвинуть удобнее, немцы скорее выберут более массивную мебель, что отражает стремление к контролю над установленным порядком: от посетителя не ожидают, что он станет двигать свой стул, чтобы устроиться поудобнее (Hall 1966: 137–138).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.